

Глава пятая

Мишна первая

הוציאו לו את הכף ואת המחתה, וספן מלא חפניו ונתן לתוך הכף, הגדול לפי גדלו, והקטן לפי קטנו, וכך היתה מדתה. נטל את המחתה בימינו ואת הכף בשמאלו. היה מהלך ביהיכל, עד שמגיע לבין שתי הפרוכות המבדילות בין הקדש ובין קדש הקדשים, וביניהן אמה. רבי יוסי אומר, לא היתה שם אלא פרקת אחת בלבד, שנאמר, (שמות כו) והבדילה הפרקת לכם בין הקדש ובין קדש הקדשים. החיצונה היתה פרופה מן הדרום, והפנימית מן הצפון. מהלך ביניהן, עד שמגיע לצפון. הגיע לצפון, הופך פניו לדרום, מהלך לשמאלו עם הפרקת עד שהוא מגיע לארון, הגיע לארון. נותן את המחתה בין שני הבדים. צבר את הקטרת על גבי גחלים, ונתמלא כל הבית פלו עשן. יצא ובא לו בדרך בית פניסתו ומתפלל תפלה קצרה בבית החיצון, ולא היה מאריך בתפלתו, שלא להבעית את ישראל

ВЫНЕСЛИ ЕМУ КОВШ И СОВОК, И ЗАЧЕРПНУЛ ПОЛНЫЕ ПРИГОРШНИ И ВЫСЫПАЛ ВНУТРЬ КОВША: БОЛЬШОЙ - ПО БОЛЬШОЙ мере СВОЕЙ, А МАЛЫЙ - ПО МАЛОЙ мере СВОЕЙ, И ТАКОЙ БЫЛА МЕРА ЕЕ. ВЗЯЛ СОВОК В ПРАВУЮ РУКУ И КОВШ - В ЛЕВУЮ. ШЕЛ ПО ЧЕРТОГУ, ПОКА НЕ ДОСТИГАЛ промежутка МЕЖДУ ДВУМЯ ЗАВЕСАМИ, ОТДЕЛЯЮЩИМИ СВЯТИЛИЩЕ ОТ СВЯТАЯ-СВЯТЫХ, А МЕЖДУ НИМИ - ЛОКОТЬ. РАБИ ЙОСЕЙ ГОВОРIT: БЫЛА ТАМ ОДНА ЛИШЬ ТОЛЬКО ЗАВЕСА, ИБО СКАЗАНО (Шмот, 26:33): «И ОТДЕЛИТ та ЗАВЕСА ВАМ СВЯТИЛИЩЕ ОТ СВЯТАЯ-СВЯТЫХ». ВНЕШНЯЯ БЫЛА ОТСТЕГНУТА С ЮГА, А ВНУТРЕННЯЯ - С СЕВЕРА. ИДЕТ МЕЖДУ НИМИ, ПОКА НЕ ДОСТИГАЕТ СЕВЕРА. ДОСТИГ СЕВЕРА - ПОВОРАЧИВАЕТ ЛИЦО СВОЕ К ЮГУ, ИДЕТ ЛЕВОЙ РУКОЙ К ЗАВЕСЕ, ПОКА НЕ ДОСТИГАЕТ КОВЧЕГА. ДОСТИГ КОВЧЕГА, КЛАДЕТ СОВОК МЕЖ ДВУХ ШЕСТОВ. ВЫСЫПАЛ ГОРКОЙ БЛАГОВОНИЯ СВЕРХУ НА УГЛИ, И НАПОЛНИЛОСЬ ВСЕ, ЦЕЛИКОМ, ПОМЕЩЕНИЕ ДЫМОМ. ВЫШЕЛ И ПРИШЕЛ ТАКИМ ЖЕ ОБРАЗОМ, КАК ВОШЕЛ, И ПРОИЗНОСИТ КРАТКУЮ МОЛИТВУ ВО ВНЕШНЕМ ЗАЛЕ, НО НЕ ЗАТЯГИВАЛ СВОЮ МОЛИТВУ, ЧТОБЫ НЕ ПЕРЕПУГАТЬ ИЗРАИЛЬ.

ОБЪЯСНЕНИЕ МИШНЫ ПЕРВОЙ

Эта мишна - продолжение мишны третьей из предыдущей главы. Там говорилось о том, что первосвященник после второй исповеди над теленком, предназначенным для его личного жертвоприношения, принимал его кровь в мизрак и передавал другому когену, который непрерывно перемешивал ее, чтобы не дать ей свернуться, до тех пор, когда

первосвященник вернется к нему, воскурив благовония в Святая-Святых. Тем временем первосвященник брал золотой совок и поднимался на верх жертвенника и (ИЗ КОСТРА, РАЗВЕДЕННОГО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ТОГО) брал в совок горящие угли. Спустившись с жертвенника, он оставлял этот совок на четвертом ряду плит, которыми был вымощен храмовый двор (около колена, занятого перемешиванием крови тельца).

Эта мишна, следовательно, возвращается к этому моменту и продолжает описание служения первосвященника дальше.

После того, как первосвященник положил совок с горящими углями на четвертый ряд плит, которыми был вымощен пол храмового двора, ВЫНЕСЛИ ЕМУ пустой золотой КОВШ из палаты, где хранилась храмовая утварь, И СОВОК, полный мелко-мелко истолченной смеси благовоний, из палаты Автинаса (см. выше, 1:5), И первосвященник ЗАЧЕРПНУЛ ПОЛНЫЕ ПРИГОРШНИ смеси благовоний из этого совка - как сказано (Ваикра, 16:12): «И возьмет полный совок горящих углей с жертвенника - с [того, что стоит] пред Г-сподом, и полные пригоршни благовоний для воскурения, мелко [истолченных]», И ВЫСЫПАЛ из своих пригоршней благовония ВНУТРЬ КОВША: БОЛЬШОЙ - ПО БОЛЬШОЙ мере СВОЕЙ, А МАЛЫЙ - ПО МАЛОЙ мере СВОЕЙ. То есть: определенной меры того, сколько следует взять смеси благовоний, не было, первосвященник брал столько, сколько вмещали его пригоршни. Если его ладони были большими, он брал больше, если они были маленькими, он брал мало.

И ТАКОЙ БЫЛА МЕРА ЕЕ - мера смеси благовоний для воскурения в Йом-Кипур: не больше и не меньше, чем вмещали пригоршни данного первосвященника.

Гемара разъясняет: «Какой была ее мера снаружи, такой же была ее мера внутри». То есть: как снаружи [- во дворе Храма -] первосвященник зачерпывал благовония прямо своими пригоршнями, а не каким-то сосудом, так и внутри (в Святая-Святых) он пересыпал благовония из ковша прямо в свои пригоршни, а не в сосуд, изготовленный по мере его пригоршней.

ВЗЯЛ СОВОК с углями с четвертого ряда плит пола двора В ПРАВУЮ РУКУ И КОВШ с благовониями - В ЛЕВУЮ.

Правда, казалось бы, более правильно было взять ковш в правую руку, а совок - в левую, так как именно воскурение благовоний является сутью заповеди? Однако дело в том, что

совок - тяжелый и горячий, в то время как ковш - гораздо более легкий, и поэтому первосвященнику облегчили его работу, разрешив взять совок в правую руку, а ковш - в левую (Гемара; см. Рамбам, Законы о служении Йом-Кипура, 4:1; и см. также «Тосфот-Йомтов»).

И ТАК ПЕРВОСВЯЩЕННИК ВХОДИЛ В ЧЕРТОГ ХРАМА.

ШЕЛ ПО ЧЕРТОГУ в западном направлении, ПОКА НЕ ДОСТИГАЛ промежутка МЕЖДУ ДВУМЯ ЗАВЕСАМИ, ОТДЕЛЯЮЩИМИ СВЯТИЛИЩЕ - Чертог - ОТ СВЯТАЯ-СВЯТЫХ, А МЕЖДУ НИМИ между двумя завесами - промежуток шириной в ЛОКОТЬ.

В Первом Храме Чертог от Святая-Святых отделяла стена толщиной в один локоть, который назывался «ама траксин» («локоть-перегородка»). Однако во Втором Храме, намного более высоком, чем Первый, было невозможно установить стену толщиной лишь в один локоть, и поэтому были вынуждены повесить между Чертогом и Святая-Святых завесу, как в Мишкане. Но возникло сомнение, какой святостью обладал в Первом Храме тот локоть (составлявший толщину разделительной стены): святостью Чертога или же святостью Святая-Святых? Поэтому там повесили две завесы, внешнюю и внутреннюю, между которыми оставил и промежуток в один локоть - равный толщине соответствующей стены в Первом Храме.

РАБИ ЙОСЕЙ ГОВОРИТ: «БЫЛА ТАМ ОДНА ЛИШЬ ТОЛЬКО ЗАВЕСА - как в Мишкане, - ИБО СКАЗАНО об этом (Шмот, 26:33): "И ОТДЕЛИТ та ЗАВЕСА ВАМ СВЯТИЛИЩЕ ОТ СВЯТАЯ-СВЯТЫХ"».

По мнению раби Йосея, относительно того локотя [то есть толщины разделяющей стены] не возникало никакого сомнения: строителям Храма было совершенно ясно, соответствует ли его святость святости Святая-Святых или святости Чертога, и они повесили завесу в точности там, где заканчивалась святость Святая-Святых (Гамеири; см. также «Тосафот» к Йома, 516).

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, ПРОДОЛЖЕНИЕ НАШЕЙ МИШНЫ СООТВЕТСТВУЕТ МНЕНИЮ ПЕРВОГО ТАНАЯ, СЧИТАЮЩЕГО, ЧТО В ХРАМЕ ТАМ ВИСЕЛИ ДВЕ ЗАВЕСЫ.

ВНЕШНЯЯ завеса, со стороны Чертога, БЫЛА ОТСТЕГНУТА С ЮГА - ее край с южной стороны был завернут наружу и закреплен золотой застежкой, чтобы оставить место для входа, - А ВНУТРЕННЯЯ завеса, со стороны Святая-Святых, - С СЕВЕРА: ее северный край был также завернут в сторону Святая-Святых [и так же закреплен].

Первосвященник, держащий в правой руке совок и в левой руке ковш, войдя за внешнюю завесу с южной стороны — там, где завернутый край ее дает возможность входа, - ИДЕТ МЕЖДУ НИМИ - между двумя этими завесами, - ПОКА НЕ ДОСТИГАЕТ СЕВЕРА - северной стороны, где край внутренней завесы также завернут [— в сторону Святая-Святых, давая возможность выхода].

ДОСТИГ СЕВЕРА и вошел в Святая-Святых - ПОВОРАЧИВАЕТ ЛИЦО СВОЕ К ЮГУ, чтобы идти к Ковчегу и достичь промежутка между шестами Ковчега, находящегося точно посередине пространства Святая-Святых, и ИДЕТ ЛЕВОЙ РУКОЙ К ЗАВЕСЕ - потому что у идущего с севера на юг восток слева, а завеса висела на восточной стороне Святая-Святых, - ПОКА НЕ ДОСТИГАЕТ КОВЧЕГА.

Гемара разъясняет, что первосвященник подходит не к самому Ковчегу, а к его месту, потому что наша мишна говорит о Втором Храме, А во Втором Храме Ковчега не было (как сказано далее, в мишне второй).

ДОСТИГ КОВЧЕГА, КЛАДЕТ СОВОК с углями МЕЖ ДВУХ ШЕСТОВ Ковчега - как разъясняет Гемара, КАК БУДТО МЕЖ ДВУХ ШЕСТОВ (как если бы они были там, и кладет между них, — Раши).

ВЫСЫПАЛ ГОРКОЙ БЛАГОВОНΙΑ СВЕРХУ НА УГЛИ.

Мы уже упоминали, что в Святая-Святых первосвященник должен был снова взять смесь благовоний в свои пригоршни и высыпать ее из них на угли. Также он должен был проявить крайнюю осмотрительность, чтобы ничего из смеси благовоний не просыпалось на пол - даже мельчайшая крупинка величиной с горчичное семечко, - потому что в этом случае количество благовоний уже не было бы «полными пригоршнями». Поэтому, как разъясняет Гемара, первосвященник после того, как положил на пол совок с углями, крепко ухватывал кончиками пальцев обеих рук ручку ковша и с помощью больших пальцев обеих рук медленно-медленно тянул ковш на себя до тех пор, пока конец его ручки не оказывался под мышкой, а сам ковш - в его ладонях. Затем первосвященник

медленно наклонял ковш до тех пор, пока вся смесь благовоний не пересыпалась оттуда в его пригоршни, и это была одна из самых трудных работ в Храме.

Именно об этом говорится в нашей мишне: ВЫСЫПАЛ ГОРКОЙ из своих пригоршней БЛАГОВОНИЯ СВЕРХУ НА УГЛИ в совке - так, что все благовония оказались как можно дальше от него, на западной стороне совка: для того, чтобы не обжечься.

И НАПОЛНИЛОСЬ ВСЕ, ЦЕЛИКОМ, ПОМЕЩЕНИЕ ДЫМОМ.

Рамбам пишет: «...И выжидает, пока наполнится помещение дымом».

ВЫШЕЛ из Святая-Святых И ПРИШЕЛ в Чертог ТАКИМ ЖЕ ОБРАЗОМ, КАК ВОШЕЛ. На обратном пути первосвященник не поворачивался к выходу из Чертога, но шел задом наперед, держа лицо обращенным к Святая-Святых в благоговейном страхе.

И ПРОИЗНОСИТ КРАТКУЮ МОЛИТВУ ВО ВНЕШНЕМ ЗАЛЕ - в Чертоге - после того, как вышел туда, НО НЕ ЗАТЯГИВАЛ СВОЮ МОЛИТВУ, ЧТОБЫ НЕ ПЕРЕПУГАТЬ ИЗРАИЛЬ - потому что если первосвященник задерживался, это вызывало опасение, что он умер внутри Храма. Дело в том, что существовала традиция, согласно которой первосвященник, изменивший что-либо в порядке воскурения благовоний в Святая-Святых, или не бывший достойным занимать такую должность, умирал внутри Святая-Святых.

Гемара приводит текст молитвы, которую произносил первосвященник [после того, как выходил из Святая-Святых]: «ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ, Г-СПОДЬ, Б-Г НАШ, ЧТОБ ЭТОТ ГОД ЖАРКИМ, БЫЛ ОБИЛЬНЫМ ДОЖДЯМИ, И ЧТОБЫ НЕ УДАЛИЛСЯ царский СКИПЕТР ОТ ДОМА ЙЕГУДЫ, И ЧТОБЫ НЕ БЫЛ ВЫНУЖДЕННЫ сыны НАРОДА ТВОЕГО, ДОМА ИЗРАИЛЯ, прибегать к помощи ДРУГ ДРУГА ДЛЯ ПРОПИТАНИЯ, И ДА НЕ ВОЙДЕТ ПРЕД ЛИК ТВОЙ МОЛИТВА ПУТНИКОВ НА ДОРОГАХ (в час, когда мир нуждается в дожде)».

Мишна вторая

מִשְׁנֵטֶל הָאָרוֹן, אֶבֶן הַיִּתָּה שָׁם מִיָּמֹת נְבִיאִים רְאִשׁוֹנִים, וְשִׁתָּהּ הָיְתָה נִקְרָאת, גְּבוּהָה מִן הָאָרֶץ שְׁלֹשׁ אַצְבָּעוֹת, וְעָלֶיהָ הָיָה נוֹתֵן

С ТЕХ ПОР, КАК БЫЛ ЗАБРАН КОВЧЕГ, КАМЕНЬ БЫЛ ТАМ С ДНЕЙ ПЕРВЫХ ПРОРОКОВ, И «ШТИЯ» НАЗЫВАЛСЯ: ВЫСОТОЙ ОТ ЗЕМЛИ ТРИ ПАЛЬЦА, И НА НЕГО КЛАЛ.

ОБЪЯСНЕНИЕ МИШНЫ ВТОРОЙ

Эта мишна указывает, на какое место в Святая-Святых Второго Храма первосвященник клал совок с углями, так как во Втором Храме не было Ковчега.

С ТЕХ ПОР, КАК БЫЛ ЗАБРАН КОВЧЕГ во время разрушения Первого Храма.

О судьбе Ковчега у танаев есть разные мнения. Некоторые считают, что он был унесен в изгнание в Вавилон - так как сказано (Диврей гаямим, II, 36:10): «А при возвращении [того же времени] года послал Невухаднецар, и привели его (царя ЙЕГОЯХИНА) в Вавилон вместе с вещами - драгоценностью Храма Г-спода». И спрашивается: какая вещь является «драгоценностью Храма Г-спода»? Это Ковчег. Согласно же другой точке зрения, царь Йошиягу спрятал Ковчег [в недрах Храмовой горы] (см. Гемару, Йома, 53б и 54а; см. также наш комментарий к Мишне, Шкалим, 6:2).

Как бы там ни было, но во Втором Храме Ковчега не было, лишь КАМЕНЬ БЫЛ ТАМ - в Святая-Святых (см. «Тосфот-Йомтов») С ДНЕЙ ПЕРВЫХ ПРОРОКОВ - со времен Шмуэля и Давида (Гемара, Сота, 48б), - И «ШТИЯ» [- «фундамент», «основа» -] НАЗЫВАЛСЯ.

В барайте, приводимой в Гемаре, объясняется, что этот камень имел такое название, «ПОТОМУ ЧТО С НЕГО ОСНОВАН МИР». И так сказали мудрецы наши: «С Цийона сотворен мир (ВНАЧАЛЕ БЫЛА СОТВОРЕНА [гора] ЦИЙОН, И СО ВСЕХ СТОРОН ВОКРУГ ПРИЛЕПИЛИСЬ К НЕЙ КОМЬЯ ЗЕМЛИ ДО КОНЦА МИРА) - ибо сказано (Тегилим, 50:1-2): «Могучий Б-г, Г-сподь говорил и вызвал [всю] землю - от восхода солнца до захода его; из Цийона, красоты совершенства («миклал йофи»), Б-г появился». То есть: с Цийона была завершено сотворение красот мира («мухлал йофью шель олам»).

Слова барайты «ПОТОМУ ЧТО С НЕГО ОСНОВАН МИР» разъясняют также так:
«Потому что там - основа того, ради чего сотворен мир, и намерения, заложенного в него»
(Гамаири).

А Рамбам пишет: «Смысл слова 'штия' - 'основа', ибо место служения Всевышнему - это основа мира (как было упомянуто нами в начале комментария к трактату 'Авот')».

И КАМЕНЬ «ШТИЯ» БЫЛ ВЫСОТОЙ ОТ ЗЕМЛИ ТРИ ПАЛЬЦА, И НА НЕГО
первосвященник в Йом-Кипур КЛАЛ совок с углями, и на нем воскурят благовония.

Мишна третья

נָטַל אֶת הַדָּם מִמֵּי שְׁהִיָּה מְמָרָס בּוֹ, נִכְנַס לַמָּקוֹם שְׁנֹכָנִס, וְעָמַד בַּמָּקוֹם שְׁעָמַד, וְהָיָה מְמַנֵּי אֶחָת לַמַּעֲלָה וְשִׁבְעַ לַמַּטָּה, וְלֹא
הָיָה מְתַפְּנֵן לְהִזּוֹת לֹא לַמַּעֲלָה וְלֹא לַמַּטָּה אֲלָא כְּמַצְלִיף. וְכָף הָיָה מוֹנֶה, אֶחָת, אֶחָת וְאַחַת, אֶחָת וְשְׁמִינִים, אֶחָת וְשִׁלֹּשׁ, אֶחָת
וְאַרְבַּע, אֶחָת וְחֲמִשׁ, אֶחָת וְשֵׁשׁ, אֶחָת וְשִׁבְעַ. יָצָא וְהִנִּיחוּ עַל כֵּן הַזֶּהָב שְׁבִהִיכָל

ВЗЯЛ КРОВЬ У ТОГО, КТО ЕЕ ПЕРЕМЕШИВАЛ, ВОШЕЛ В ТО МЕСТО, КУДА
ВХОДИЛ, И ВСТАЛ НА ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ СТОЯЛ, И БРЫЗНУЛ ЕЮ ОДИН раз
КВЕРХУ И СЕМЬ раз КНИЗУ, НО НЕ НАМЕРЕВАЛСЯ БРЫЗГАТЬ НИ КВЕРХУ, НИ
КНИЗУ, А СЛОВНО ХЛЕСТАЛ. И ТАК он СЧИТАЛ: ОДИН, ОДИН И ОДИН, ОДИН И
ДВА, ОДИН И ТРИ, один И ЧЕТЫРЕ, ОДИН И ПЯТЬ, ОДИН, ОДИН И ШЕСТЬ, один И
СЕМЬ. ВЫШЕЛ И ОСТАВИЛ ЕГО НА ЗОЛОТОЙ ПОДСТАВКЕ, ЧТО стояла В
ЧЕРТОГЕ.

ОБЪЯСНЕНИЕ МИШНЫ ТРЕТЬЕЙ

ВЗЯЛ КРОВЬ - после завершения служения воскурения благовоний и произнесения
краткой молитвы (как разъяснялось выше, в мишне первой) первосвященник выходил и
брал кровь теленка У ТОГО, КТО ЕЕ ПЕРЕМЕШИВАЛ, - из рук когена, который все это
время был занят перемешиванием этой крови, чтобы не дать ей свернуться (как
разъяснялось выше, 4:3).

ВОШЕЛ В ТО МЕСТО, КУДА ВХОДИЛ сначала - то есть в Святая-Святых, - И ВСТАЛ
НА ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ СТОЯЛ во время воскурения благовоний - то есть между шестами

Ковчега (как было разъяснено выше, в мишне третьей), - И БРЫЗНУЛ ЕЮ - кровью теленка, обмакивая в нее указательный палец, - ОДИН раз КВЕРХУ И СЕМЬ раз КНИЗУ, так как сказано (Ваикра, 16:14): «И ВОЗЬМЕТ КРОВИ БЫКА, И БРЫЗНЕТ ПАЛЬЦЕМ СВОИМ НА ПОВЕРХНОСТЬ КРЫШКИ [Ковчега] ВПЕРЕД, И ПЕРЕД КРЫШКОЙ [Ковчега] БРЫЗНЕТ СЕМЬ РАЗ [той] КРОВИ ПАЛЬЦЕМ СВОИМ». И согласно устной традиции слова «и брызнет пальцем своим на поверхность крышки [Ковчега]» означают, что первосвященник должен брызнуть крови только один раз - кроме тех семи, о которых в Торе сказано после этого (см. Гемару, Йома, 55а).

НО НЕ НАМЕРЕВАЛСЯ БРЫЗГАТЬ НИ КВЕРХУ, НИ КНИЗУ. То есть: первосвященник не должен был метиться, брызгая кровью в первый раз, на верхнюю грань крышки Ковчега, а затем, брызгая кровью семь раз, - ниже, на толщу крышки Ковчега, потому что кровь все равно падала не на крышку Ковчега, а на пол. А СЛОВНО ХЛЕСТАЛ - первосвященник поднимал руку и делал ею такое же движение, как человек, хлещущий бичом.

Гемара разъясняет, что, когда первосвященник намеревался брызнуть кровью кверху, он опускал книзу тыльную сторону ладони и брызгал вверх (так что кровь взлетала в воздух вверх, на уровень верхней грани крышки Ковчега, и оттуда падала на пол, - ГАМЕИРИ). Когда же первосвященник собирался брызнуть кровью книзу (СЕМЬ РАЗ), он приподнимал кверху тыльную сторону ладони (и брызгал прямо вперед от себя каждый раз ниже предыдущего, и каждый раз кровь падала на пол, - РАШИ). То есть: один раз первосвященник брызгал кровью движением всей руки снизу вверх, а затем семь раз - движением всей руки сверху вниз.

Бартанура разъясняет, что в словах «А СЛОВНО ХЛЕСТАЛ» подразумевается, что первосвященник совершал те же движения, что и человек, наказывающий другого бичеванием: сначала он ударяет того между плеч, а затем направляет каждый удар все ниже и ниже. Так и первосвященник намеревался, чтобы кровь ложилась на пол восемью полосами - каждая ниже предыдущей.

И ТАК он СЧИТАЛ, брызгая кровь: «ОДИН — то есть первый раз, когда он брызгает кверху, - ОДИН И ОДИН - счет каждого из семи раз он начинал с упоминания первого, когда кровью брызнул кверху, - ОДИН И ДВА, ОДИН И ТРИ, ОДИН И ЧЕТЫРЕ, ОДИН И ПЯТЬ, ОДИН, ОДИН И ШЕСТЬ, ОДИН И СЕМЬ».

Гемара объясняет, почему первосвященник, называя, сколько раз он уже брызнул кровью книзу, каждый раз упоминал первый раз - когда он ею брызнул кверху: «ЧТОБЫ ОН НЕ ОШИБСЯ В [числе] ПРИНОШЕНИЙ крови». И комментирует РАМБАМ: «Чтобы он не забыл и не включил первый раз в число последующих семи».

ВЫШЕЛ первосвященник из Святая-Святых И ОСТАВИЛ ЕГО - мизрак с оставшейся кровью теленка - НА ЗОЛОТОЙ ПОДСТАВКЕ, ЧТО стояла В ЧЕРТОГЕ — то есть на место, специально приготовленное для того, чтобы оставить на нем этот мизрак (Гамеири).

Мишна четвертая

הביאו לו את השעיר, שחטו וקבל במזרק את דמו. נכנס למקום שנכנס, ועמד במקום שעמד, והזה ממנו אחת למעלה ושבע למטה, ולא היה מתפנן להזות לא למעלה ולא למטה אלא כמצליף. וכך היה מונה, אחת, אחת ואחת, אחת ושנים, אחת ושלוש, אחת וארבע, אחת וחמש, אחת ושש, אחת ושבע. יצא והניחו על פו השני שהיה בהיכל. רבי יהודה אומר, לא היה שם אלא כן אחד בלבד. נטל דם הפר והניח דם השעיר, והזה ממנו על הפרכת שפנגד הארון מבחוץ, אחת למעלה ושבע למטה, ולא היה מתפנן להזות לא למעלה ולא למטה אלא כמצליף. וכך היה מונה, אחת, אחת ואחת, אחת ושנים, אחת ושלוש, אחת וארבע, אחת וחמש, אחת ושש, אחת ושבע. נטל דם השעיר והניח דם הפר, והזה ממנו על הפרכת שפנגד הארון מבחוץ, אחת למעלה ושבע למטה, ולא היה מתפנן להזות לא למעלה ולא למטה אלא כמצליף. וכך היה מונה, אחת, אחת ואחת, אחת ושנים, אחת ושלוש, אחת וארבע, אחת וחמש, אחת ושש, אחת ושבע. ערה דם הפר לתוך דם השעיר, ונתן את המלא בריקן

ПОДВЕЛИ К НЕМУ того КОЗЛЕНКА, СОВЕРШИЛ ЕМУ ШХИТУ И ПРИНЯЛ В МИЗРАК ЕГО КРОВЬ. ВОШЕЛ В ТО МЕСТО, КУДА ВХОДИЛ, И ВСТАЛ НА ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ СТОЯЛ, И БРЫЗНУЛ ЕЮ ОДИН раз КВЕРХУ И СЕМЬ раз КНИЗУ, НО НЕ НАМЕРЕВАЛСЯ БРЫЗГАТЬ НИ КВЕРХУ, НИ КНИЗУ, А СЛОВНО ХЛЕСТАЛ. И ТАК он СЧИТАЛ: ОДИН, ОДИН И ОДИН, ОДИН И ДВА, И Т. Д.. ВЫШЕЛ И ОСТАВИЛ ЕГО НА ВТОРОЙ ПОДСТАВКЕ, ЧТО стояла В ЧЕРТОГЕ. РАБИ ЙЕГУДА ГОВОРIT: БЫЛА ТАМ ЛИШЬ ТОЛЬКО ОДНА ПОДСТАВКА. ВЗЯЛ КРОВЬ ТЕЛЬЦА И ОСТАВИЛ КРОВЬ КОЗЛЕНКА, И БРЫЗНУЛ ЕЮ НА ЗАВЕСУ, ЧТО висела НАПРОТИВ КОВЧЕГА СНАРУЖИ, ОДИН раз КВЕРХУ И СЕМЬ раз КНИЗУ, НО НЕ НАМЕРЕВАЛСЯ И Т. Д.. И ТАК он СЧИТАЛ И Т. Д.. ВЗЯЛ КРОВЬ КОЗЛЕНКА И ОСТАВИЛ КРОВЬ ТЕЛЬЦА, И БРЫЗНУЛ ЕЮ НА ЗАВЕСУ, ЧТО висела НАПРОТИВ КОВЧЕГА СНАРУЖИ, ОДИН раз

КВЕРХУ И СЕМЬ раз КНИЗУ, И Т. Д.. ВЫЛИЛ КРОВЬ ТЕЛЬЦА В КРОВЬ КОЗЛЕНКА И ПЕРЕЛИЛ из ПОЛНОГО В ПУСТОЙ.

ОБЪЯСНЕНИЕ МИШНЫ ЧЕТВЕРТОЙ

ПОДВЕЛИ К НЕМУ того КОЗЛЕНКА. После того, как первосвященник оставил мизрак с кровью теленка на золотой подставке в Чертоге, он вышел на храмовый двор. Там к нему подвели того козленка, на которого выпал жребий «Гашему».

СОВЕРШИЛ ЕМУ ШХИТУ И ПРИНЯЛ В МИЗРАК ЕГО КРОВЬ. ВОШЕЛ В ТО МЕСТО, КУДА ВХОДИЛ - в Святая- Святых, - И ВСТАЛ НА ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ СТОЯЛ - между шестами Ковчега, - И БРЫЗНУЛ ЕЮ - кровью этого козленка - ОДИН раз КВЕРХУ И СЕМЬ раз КНИЗУ, НО НЕ НАМЕРЕВАЛСЯ БРЫЗГАТЬ НИ КВЕРХУ, НИ КНИЗУ, А СЛОВНО ХЛЕСТАЛ - как мы объясняли в предыдущей мишне относительно крови теленка.

И ТАК он СЧИТАЛ: ОДИН, ОДИН И ОДИН, ОДИН И ДВА, И Т. Д. - в точности так же, как первосвященник делал с кровью теленка, потому что сказано (Ваикра, 16:15): «И ЗАРЕЖЕТ КОЗЛЕНКА [для жертвоприношения] ХАТАТ, [приносит] КОТОРОГО ЗА НАРОД, И ЗАНЕСЕТ КРОВЬ ЕГО ЗА ЗАВЕСУ; И СДЕЛАЕТ С КРОВЬЮ ЕГО, КАК СДЕЛАЛ С КРОВЬЮ БЫКА, И БРЫЗНЕТ ЕЕ НА КРЫШКУ [Ковчега] И ПЕРЕД КРЫШКОЙ [Ковчега]».

ВЫШЕЛ - из Святая-Святых - И ОСТАВИЛ ЕГО - мизрак с кровью козленка - НА ВТОРОЙ ПОДСТАВКЕ, ЧТО стояла В ЧЕРТОГЕ. То есть, в Чертоге стояли две подставки: на одной из них первосвященник ранее оставлял мизрак с кровью теленка (как мы учили в предыдущей мишне), а теперь, придя из Святая-Святых, на второй из них он оставил мизрак с кровью козленка.

РАБИ ЙЕГУДА ГОВОРIT: «БЫЛА ТАМ ЛИШЬ ТОЛЬКО ОДНА ПОДСТАВКА — на которой первосвященник сначала оставил, а когда он вышел [из Святая-Святых] с мизраком, в котором была кровь козленка, он ВЗЯЛ с той подставки КРОВЬ ТЕЛЬЦА И ОСТАВИЛ на ней КРОВЬ КОЗЛЕНКА».

Так интерпретируют, согласно Гемаре, текст этой мишны комментаторы: фраза «взял кровь быка...» - это окончание слов раби Йегуды. Однако, ПО МНЕНИЮ ПЕРВОГО

ТАНАЯ, первосвященник сначала ставил мизрак с кровью козленка на вторую подставку, а потом брал другой мизрак с кровью теленка («Млехет-Шломо»). [Следовательно, фраза «взял кровь быка» не относится к словам раби Йегуды, а начинается следующий отрывок, излагаемый первым танаем.]

И БРЫЗНУЛ ЕЮ - кровью теленка - НА ЗАВЕСУ, ЧТО висела НАПРОТИВ КОВЧЕГА - то есть места Ковчега в Святая-Святых - СНАРУЖИ - то есть в Чертоге, - ОДИН раз КВЕРХУ И СЕМЬ раз КНИЗУ, НО НЕ НАМЕРЕВАЛСЯ И Т. Д. - не намеревался брызгать кровью ни кверху, ни книзу, а делал такое движение рукой, словно хлестал И ТАК он СЧИТАЛ: «Один, один и один, один и два», И Т. Д..

ВЗЯЛ КРОВЬ КОЗЛЕНКА И ОСТАВИЛ КРОВЬ ТЕЛЬЦА. А именно, по мнению раби Йегуды, считающего, что в Чертоге стояла только одна подставка, первосвященник сначала снимал с нее мизрак с кровью козленка, а потом ставил на нее же мизрак с кровью теленка, который держал в руке до тех пор. Однако по мнению мудрецов, считающих, что в Чертоге стояли две подставки, первосвященник сначала ставил мизрак с кровью теленка, а потом брал мизрак с кровью козленка.

Однако возможно понять эту фразу также в соответствии с мнением мудрецов: «И ОСТАВИЛ» - в смысле «и ранее уже оставил» (Рашаш). То есть: первосвященник брал кровь козленка после того, как уже оставил на подставке кровь теленка.

(ТОЧНО ТАК ЖЕ МОЖНО ПОНЯТЬ АНАЛОГИЧНУЮ ФРАЗУ ВНАЧАЛЕ: «ВЗЯЛ КРОВЬ ТЕЛЬЦА И ОСТАВИЛ КРОВЬ КОЗЛЕНКА» - ВЗЯЛ КРОВЬ ТЕЛЬЦА ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОСТАВИЛ НА ВТОРОЙ ПОДСТАВКЕ КРОВЬ КОЗЛЕНКА.)

И БРЫЗНУЛ ЕЮ - кровью козленка - НА ЗАВЕСУ, ЧТО висела НАПРОТИВ КОВЧЕГА СНАРУЖИ, - точно так же, как брызгал кровью теленка: ОДИН раз КВЕРХУ И СЕМЬ раз КНИЗУ, и т.д. - так как сказано (Ваикра, 16:16): «И то же сделает для Шатра Откровения». То есть, как истолковывают мудрецы, точно так же, как первосвященник брызгал кровью в самом внутреннем помещении Храма, [в Святая-Святых,] он должен сделать в Чертоге. А именно, как в Святая-Святых - один раз кверху и семь раз книзу кровью теленка и один раз кверху и семь раз книзу кровью козленка, точно так же он должен брызгать кровью в Чертоге (Гемара, Йома, 56б).

ВЫЛИЛ КРОВЬ ТЕЛЬЦА В КРОВЬ КОЗЛЕНКА - потому что сказано (Ваикра, 16:18): «И ВОЗЬМЕТ КРОВИ БЫКА И КРОВИ КОЗЛЕНКА», то есть смешав их вместе (Гемара, там же), - И снова ПЕРЕЛИЛ всю смесь крови теленка и козленка из ПОЛНОГО мизрака (ТОГО, В КОТОРОМ РАНЕЕ БЫЛА ТОЛЬКО КРОВЬ КОЗЛЕНКА) В ПУСТОЙ мизрак (ТОТ, В КОТОРОМ РАНЬШЕ БЫЛА ТОЛЬКО КРОВЬ ТЕЛЕНКА), чтобы эта смесь перемешалась еще лучше.

Мишна пятая

וַיֵּצֵא אֶל הַמִּזְבֵּחַ אֲשֶׁר לִפְנֵי ה' זֶה מִזְבֵּחַ הַזֶּהב. הַתְּחִיל מִחֹטֵא וַיֹּרֵד. מִהֵיכָן הוּא מִתְחִיל. מִקֶּרֶן מִזְרָחִית צְפוֹנִית, צְפוֹנִית מִזְרָחִית, מִזְרָחִית דְּרוֹמִית, דְּרוֹמִית מִזְרָחִית. מָקוֹם שֶׁהוּא מִתְחִיל בַּחֲטָאֵת עַל מִזְבֵּחַ הַחִיצוֹן, מִשָּׁם הָיָה גוֹמֵר עַל מִזְבֵּחַ הַפְּנִימִי. רַבִּי אֱלִיעֶזֶר אוֹמֵר, בְּמָקוֹמוֹ הָיָה עוֹמֵד וּמִחֹטֵא. וְעַל כֵּלָּן הָיָה נוֹתֵן מִלְמַטָּה לְמַעְלָה, חוּץ מִזֹּו שֶׁהָיְתָה לִפְנֵי, שֶׁעָלֶיהָ הָיָה נוֹתֵן מִלְמַעְלָה לְמַטָּה

«И ВЫЙДЕТ К ЖЕРТВЕННИКУ, КОТОРЫЙ [стоит] ПРЕД Г-СПОДОМ» (Ваикра, 16:18) - ЭТО ЗОЛОТОЙ ЖЕРТВЕННИК. НАЧАЛ ОЧИЩАТЬ, И СВЕРХУ ВНИЗ. ОТКУДА ОН НАЧИНАЕТ? С УГЛА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО: К СЕВЕРО- ЗАПАДНОМУ, ЮГО- ЗАПАДНОМУ, ЮГО-ВОСТОЧНОМУ. НА МЕСТЕ, С КОТОРОГО НАЧИНАЛ, ПРИНОСЯ ХАТАТ, НА ВНЕШНЕМ ЖЕРТВЕННИКЕ, ОТТУДА ЖЕ ЗАКАНЧИВАЛ НА ВНУТРЕННЕМ ЖЕРТВЕННИКЕ. РАБИ ЭЛИЭЗЕР ГОВОРИТ: НА СВОЕМ МЕСТЕ СТОЯЛ И ОЧИЩАЛ. И НА ВСЕ НАНОСИЛ СНИЗУ ВВЕРХ - КРОМЕ ТОГО, ПЕРЕД КОТОРЫМ СТОЯЛ: НА НЕГО он НАНОСИЛ СВЕРХУ ВНИЗ.

ОБЪЯСНЕНИЕ МИШНЫ ПЯТОЙ

«И ВЫЙДЕТ К ЖЕРТВЕННИКУ, КОТОРЫЙ [стоит] ПРЕД Г-СПОДОМ» (Ваикра, 16:18). После того, как первосвященник закончит брызгать кровью теленка и кровью козленка в Святая- Святых и в Чертоге, Тора предписывает ему смешать кровь теленка и кровь козленка (о чем учила предыдущая мишна) и выйти к «ЖЕРТВЕННИКУ, КОТОРЫЙ [стоит] ПРЕД Г-СПОДОМ».

[Что это за жертвенник?] ЭТО ЗОЛОТОЙ ЖЕРТВЕННИК, стоящий в Чертоге. Он называется стоящим «ПРЕД Г-СПОДОМ» в отличие от внешнего жертвенника, стоящего во дворе и потому не называющегося стоящим «пред Г-сподом».

Говоря, что первосвященник «ВЫЙДЕТ» к золотому жертвеннику, Тора имеет в виду, что он уйдет с того места, где стоял, брызгая кровью на завесу. А именно, он ВЫЙДЕТ из внутреннего пространства Чертога между золотым жертвенником и Святая-Святых и встанет с той стороны жертвенника, которая обращена наружу, ко входу в Чертог.

НАЧАЛ ОЧИЩАТЬ, И СВЕРХУ ВНИЗ. Теперь первосвященник брызгает кровь на возвышения по углам жертвенника, совершая его очищение, и переходит для этого от одного его угла к другому углу. Танай нашей мишны выражает это словами «ОЧИЩАЕТ, И СВЕРХУ ВНИЗ», желая тем самым указать на то, что первосвященник, стоя перед углом жертвенника, наносит на него кровь движением руки сверху вниз. Дело в том, что если бы он наносил кровь движением снизу вверх, то кровь стекала бы по его руке и пачкала его одеяния (Раши; Бартанура).

Мишна употребляет здесь для понятия «очищать» глагол «мехатэ» потому, что так сказано в Торе (Ваикра, 8:15): «[И зарезал; и взял Моше кровь и нанес на углы жертвенника по кругу пальцем своим,] и очистил (‘вайхатэ’) жертвенник». И так сказано в указании об этом служении в Йом-Кипур (Ваикра, 16:19): «[И брызнет на него крови пальцем своим семь раз, и очистит его,] и освятит его от скверн сынов Израиля».

ОТКУДА - с какого угла жертвенника - ОН НАЧИНАЕТ? С УГЛА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО.

Раши объясняет, что наша мишна соответствует мнению раби Йосея, который считает (см. выше, мишну первую), что между Чертогом и Святая-Святых висел только одна завеса, северный конец которой (правый для подходящего к ней, чтобы войти в Святая-Святых) был отстегнут. Закончив брызгать кровью внутри, первосвященник выходил опять в северной оконечности завесы, и ближайшим к нему углом золотого жертвенника оказывался северо-западный. Однако с него первосвященник не мог начать свое служение, так как в Торе сказано: «И выйдет к жертвеннику» - первосвященник должен быть «выйти» из внутреннего пространства Чертога наружу. Поэтому он переходил к ближайшему внешнему углу жертвенника, северо-восточному, и с него начинал брызгать кровью на возвышения в углах жертвенника.

Затем первосвященник возвращался к СЕВЕРО-ЗАПАДНОМУ углу - вправо от себя - и брызгал кровью на возвышение на нем, затем подходил к ЮГО-ЗАПАДНОМУ и брызгал

кровью на возвышение на нем, и, наконец, к ЮГО-ВОСТОЧНОМУ, которым заканчивал (см. «Тосфот-Иомтов»).

[Таким образом,] НА том МЕСТЕ, С КОТОРОГО первосвященник НАЧИНАЛ искупление, ПРИНОСЯ ХАТАТ, НА стоящем во дворе ВНЕШНЕМ ЖЕРТВЕННИКЕ - то есть на юго-восточной углу. Так сказано в Мишне (Звахим, 5:3): «Хататы общественные и личные... их шхита - на севере... и кровь их требует четырех даров на четыре угла. Каким образом? Поднялся по пандусу и повернул на [карниз] круговой, и пришел к углу юго-восточному», и т.д..

ОТТУДА ЖЕ. Другой вариант текста - «ТАМ», то есть на юго- восточном углу первосвященник ЗАКАНЧИВАЛ четыре приношения крови внутренних хататов НА ВНУТРЕННЕМ ЖЕРТВЕННИКЕ - на возвышения по углам жертвенника, стоящего в Чертоге.

РАБИ ЭЛИЭЗЕР ГОВОРИТ: «НА СВОЕМ МЕСТЕ СТОЯЛ И ОЧИЩАЛ. По мнению раби Элиэзера, первосвященник не переходил от одного угла жертвенника к другому, но стоял перед северо-восточным углом и оттуда брызгал кровью на возвышения по углам жертвенника в том порядке, о котором было сказано выше. [Это было нетрудно,] потому что золотой жертвенник имел только локоть в длину и локоть в ширину. И НА ВСЕ - на все возвышения в четырех углах жертвенника - НАНОСИЛ кровь движением СНИЗУ ВВЕРХ - первосвященник опускал руку и брызгал кровь на возвышение в углу жертвенника пальцем, делая движение снизу вверх, - КРОМЕ ТОГО, ПЕРЕД КОТОРЫМ СТОЯЛ - то есть возвышения на северо-восточном углу: НА НЕГО он НАНОСИЛ СВЕРХУ ВНИЗ» по причине, указанной нами в объяснении слов первого таная. А именно: если бы он наносил кровь на возвышение в том углу, перед которым стоял, движение снизу вверх, то кровь стекала бы по его руке и пачкала бы его одеяния. Однако относительно остальных трех углов такого опасения не возникало, так как те были достаточно удалены от первосвященника. Поэтому на них он мог брызгать кровью движением руки снизу вверх.

По поводу последовательности приношений крови на возвышения по углам золотого жертвенника мы привели комментарий Раши, согласно которому наша мишна соответствует мнению раби Йосея. Такова же точка зрения Бартануры. Однако по мнению первого таная нашей мишны, оппонента раби Йосея, считающего, что было две завесы и

что первосвященник выходил из Святая-Святых в южной оконечности внешней завесы, ближайшим к нему углом золотого жертвенника оказывался юго-западный. Поскольку же первосвященник должен был встать с внешней стороны жертвенника, он переходил к юго-восточному и там начинал брызгать кровью. От него он возвращался к юго-западному (так как тот был первым, к которому подходил), а от него - к северо-западному и заканчивал на северо-восточном (Гемара).

Однако другие авторитеты стараются найти иное решение. Там, Рамбам пишет (Законы о храмовой утвари, 7:16), что было две завесы - в противоположность мнению раби Йосея, - однако относительно последовательности приношений крови на возвышения по углам жертвенника он следует нашей мишне: что первосвященник начинал с северо-восточного угла (Законы о совершении жертвоприношений, 5:14; Законы о служении Йом-Кипура, 4:2). Опираясь на постановление Рамбама, некоторые стараются объяснить нашу мишну также в соответствии с мнением первого таная, считавшего, что завес было две (с м. «Тосфот-Йомтов»). Также автор «Тосфот-йешаним» пишет, что сказанное в нашей мишне сочетается и с точкой зрения, что было две завесы и что первосвященник выходил в Чертог с южной оконечности внешней завесы. Поскольку он должен был пройти мимо жертвенника и выйти во внешнюю часть Чертога, он оказывался с восточной стороны жертвенника лицом к западу, а поскольку был обязан повернуть вправо (так как «все повороты, которые ты делаешь, должны быть в правую сторону»), он начинал свое служение с северо-восточного угла (см. «Тосафот раби Акивы Эйгера»).

Мишна шестая

הָיָה עַל טְהָרוֹ שֶׁל מִזְבֵּחַ שִׁבְעַת פְּעָמִים, וְשִׁנְרֵי הַדָּם הָיָה שׁוֹפֵךְ עַל יְסוֹד מִעֲרָבִי שֶׁל מִזְבֵּחַ הַחִיצוֹן, וְשֶׁל מִזְבֵּחַ הַחִיצוֹן הָיָה שׁוֹפֵךְ עַל יְסוֹד דְּרוֹמִי. אֵלּוּ וְאֵלּוּ מִתְעַרְבִּין בְּאַמָּה יוֹצֵאִין לְנַחַל הַדְּרוֹן, וְנִמְכָּרִין לַגִּנָּן לְזָבֹל, וּמוֹעֲלִין בָּהֶן

БРЫЗНУЛ НА ЧИСТОТУ ЖЕРТВЕННИКА СЕМЬ РАЗ, А ОСТАВШУЮСЯ КРОВЬ
ВЫЛИВАЛ НА ЗАПАДНОЕ ОСНОВАНИЕ ВНЕШНЕГО ЖЕРТВЕННИКА, НО ОТ
ВНЕШНЕГО ЖЕРТВЕННИКА - ВЫЛИВАЛ НА ЮЖНОЕ ОСНОВАНИЕ. И ТЕ, И ТЕ
ПЕРЕМЕШИВАЮТСЯ В КАНАЛЕ И ВЫТЕКАЮТ В ДОЛИНУ КИДРОН И
ПРОДАЮТСЯ САДОВНИКАМ НА УДОБРЕНИЕ, И СЯТОВАТ СЯТОВАЮТ ИМИ.

ОБЪЯСНЕНИЕ МИШНЫ ШЕСТОЙ

БРЫЗНУЛ НА ЧИСТОТУ ЖЕРТВЕННИКА. После того, как первосвященник нанес кровь на все выступы по углам золотого жертвенника, он должен был брызнуть кровь на верхнюю поверхность самого жертвенника. Для этого он разгребал на ней угли и пепел в разные стороны и обнажал золото жертвенника, а затем брызгал на это место кровью **СЕМЬ РАЗ** - как сказано (Ваикра, 16:19): «И брызнет на него крови пальцем своим семь раз, и очистит его».

А ОСТАВШУЮСЯ КРОВЬ - то, что оставалось от крови [в мизраке] после приношений ее - первосвященник **ВЫЛИВАЛ НА ЗАПАДНОЕ ОСНОВАНИЕ ВНЕШНЕГО ЖЕРТВЕННИКА** - на западную сторону его основания - так как сказано (Ваикра, 4:7): «А всю кровь быка - вылет на основание жертвенника всесожжения, который [стоит] у входа в Шатер Откровения», а Шатер Откровения находился к западу от внешнего жертвенника.

НО ОТ ВНЕШНЕГО ЖЕРТВЕННИКА - но кровь, оставшуюся от приношений на внешнем жертвеннике, - **ВЫЛИВАЛ НА ЮЖНОЕ ОСНОВАНИЕ** - на южную сторону основания жертвенника.

На юго-западном углу основания жертвенника были два небольших отверстия: один - в сторону запада, а другой - в южную сторону, и туда выливали остатки жертвенной крови. Здесь, в нашей мишне, говорится о крови внутренних хататов (то есть теленка и козленка, приносимых в жертву в Йом-Кипур, кровью которых брызгали в Святая-Святых): ее выливали «на западное основание», то есть в западное отверстие. Но остатки крови внешних хататов (кровью которых плескали на внешний жертвенник) и также остальных жертвоприношений выливали в южное отверстие. Причина этого разделения - заключение по аналогии между выходом первосвященника из Чертога с остатками крови внутренних хататов в руке и спуском когена с пандуса жертвенника с остатками крови внешних хататов в руке. А именно: выйдя из Чертога, первосвященник выливал остатки крови на ближайшую к нему сторону основания жертвенника, то есть западную -- как следует из приведенной нами выше цитаты (Ваикра, 4:7). Так и спустившись с пандуса жертвенника, коген выливал кровь, оставшуюся от внешних хататов, на ближайшую к пандусу сторону основания жертвенника - то есть на южную (Гемара, Звахим, 53а).

И ТЕ, И ТЕ - остатки крови, вылитые на западную сторону основания жертвенника, и остатки крови, вылитые на его южную сторону, - ПЕРЕМЕШИВАЮТСЯ В КАНАЛЕ воды, проходящем через храмовый двор, И ВЫТЕКАЮТ В ДОЛИНУ КИДРОН И ПРОДАЮТСЯ САДОВНИКАМ НА УДОБРЕНИЕ, И СВЯТОТАТСТВУЮТ ИМИ. То есть, использование этой крови в личных целях без ее выкупа на деньги рассматривается как святотатство.

Впрочем, такой статус остатки жертвенной крови, вытекшие в долину Кидрон, получили только по постановлению мудрецов Торы. Согласно же букве закона Торы использование такой крови в личных целях не запрещено (см. «Тосфот-Йомтов»).

Мишна седьмая

כָּל מַעֲשֵׂה יוֹם הַכִּפּוּרִים הָאֵמֹר עַל הַסֵּדֶר, אִם הִקְדִּים מַעֲשֵׂה לַחֲבֵרוֹ, לֹא עָשָׂה כָּלוּם. הִקְדִּים דָּם הַשְּׂעִיר לְדָם הַפָּר, וְיִחְזֹר וְיִנְהַ מִּדָּם הַשְּׂעִיר לְאַחַר דָּם הַפָּר. וְאִם עַד שֶׁלֹּא גָמַר אֶת הַמִּתְּנוּת שֶׁבַּפָּנִים נִשְׁפָּךְ הַדָּם, יָבִיא דָּם אַחֵר וְיִחְזֹר וְיִנְהַ בְּתַחֲלָה בַּפָּנִים. וְכֵן בַּהִיכָל, וְכֵן בְּמִזְבֵּחַ הַזֶּהָב, שֶׁכָּלֹן כִּפָּרָה בַּפָּנִי עֲצָמוֹ. רַבִּי אֱלִיעֶזֶר וְרַבִּי שְׁמַעוֹן אוֹמְרִים, מִמָּקוֹם שֶׁפָּסַק, מִשָּׁם הוּא מִתְחִיל

ВСЕ, что ДЕЛАЕТСЯ В ЙОМ-КИПУР, СКАЗАНО ПО ПОРЯДКУ: ЕСЛИ СДЕЛАЛ ОДНО ПРЕЖДЕ ДРУГОГО - НЕ СДЕЛАЛ НИЧЕГО. Принес КРОВЬ КОЗЛЕНКА РАНЬШЕ КРОВИ ТЕЛЬЦА - ОПЯТЬ БРЫЗНЕТ КРОВИ КОЗЛЕНКА ПОСЛЕ КРОВИ ТЕЛЬЦА. А ЕСЛИ ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ЗАКОНЧИЛ ПРИНОШЕНИЯ ВНУТРИ, РАЗЛИЛАСЬ КРОВЬ - ПРИНЕСЕТ КРОВЬ ДРУГУЮ И ОПЯТЬ БУДЕТ БРЫЗГАТЬ ВНУТРИ как СНАЧАЛА. И ТАК ЖЕ В ЧЕРТОГЕ, И ТАК ЖЕ НА ЗОЛОТОМ ЖЕРТВЕННИКЕ, ИБО КАЖДОЕ - САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ИСКУПЛЕНИЕ. РАБИ ЭЛЬАЗАР И РАБИ ШИМОН ГОВОРЯТ: С ТОГО МЕСТА, ГДЕ ПРЕРВАЛСЯ, ОТТУДА ОН НАЧИНАЕТ.

ОБЪЯСНЕНИЕ МИШНЫ СЕДЬМОЙ

ВСЕ, что ДЕЛАЕТСЯ В ЙОМ-КИПУР, - обо всех видах служения в Йом-Кипур, которые совершает первосвященник в «белых одеждах» в Святая-Святых и в Чертоге (ГЕМАРА; РАМБАМ, ЗАКОНЫ О СЛУЖЕНИИ ЙОМ-КИПУРА), или, согласно другой точке зрения (ГЕМАРА), обо всех видах служения, которые первосвященник совершает в «белых одеждах» как внутри Храма, так и вне его, в храмовом дворе, - СКАЗАНО в этом трактате

ПО ПОРЯДКУ: ЕСЛИ первосвященник СДЕЛАЛ ОДНО ПРЕЖДЕ ДРУГОГО - если изменил последовательность действий в служении - НЕ СДЕЛАЛ НИЧЕГО - и он обязан повторить эти действия в надлежащем порядке.

В Гемаре это правило выводят из сказанного в Торе (Ваикра, 16:34): «И БУДЕТ ЭТО ВАМ ВЕЧНЫМ ЗАКОНОМ: ИСКУПЛЯТЬ СЫНОВ ИЗРАИЛЯ ОТ ВСЕХ ИХ ПРОСТУПКОВ ОДИН [раз] В ГОДУ». Всякий раз, когда сказано слово «ЗАКОН», оно указывает на что-то, препятствующее надлежащему исполнению заповеди. Так и здесь: Писание намекает, что запрещается изменять последовательность действий в служении.

Другие комментаторы группируют эти слова мишны несколько иначе: ВСЕ, [что] ДЕЛАЕТСЯ В ЙОМ-КИПУР, в этом трактате СКАЗАНО и должно быть осуществлено ПО ПОРЯДКУ, и ЕСЛИ СДЕЛАЛ ОДНО ПРЕЖДЕ ДРУГОГО - НЕ СДЕЛАЛ НИЧЕГО (Гамеири).

Принес КРОВЬ КОЗЛЕНКА РАНЬШЕ КРОВИ ТЕЛЬЦА. Надлежащая последовательность действий, как было сказано выше, следующая: сначала принесение крови теленка, потом - крови козленка. Если же первосвященник сделал наоборот и сначала брызнул крови козленка, а потом - крови теленка, пусть он ОПЯТЬ БРЫЗНЕТ КРОВИ КОЗЛЕНКА ПОСЛЕ КРОВИ ТЕЛЬЦА.

Гемара разъясняет, что речь здесь идет о брызгании крови «на завесу, что [висела] напротив Ковчега снаружи» (выше, мишна четвертая). Однако если первосвященник изменил последовательность приношений крови в Святая-Святых, то должен зарезать другого козленка и брызнуть его кровью после крови теленка. Причина этого в том, что козленок, зарезанный раньше, чем брызнули крови теленка, негоден [и кровь его негодна для исполнения заповеди].

А ЕСЛИ ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ЗАКОНЧИЛ ПРИНОШЕНИЯ ВНУТРИ - прежде, чем первосвященник закончил приношение крови в Святая-Святых (как о том говорилось выше, в мишнах с третьей по пятую), - РАЗЛИЛАСЬ КРОВЬ теленка или козленка, и потому первосвященник не может закончить брызгать ее столько раз, сколько следует, - пусть он ПРИНЕСЕТ КРОВЬ ДРУГУЮ - зарежет другого теленка или козленка и принесет его кровь - И ОПЯТЬ БУДЕТ БРЫЗГАТЬ ВНУТРИ как СНАЧАЛА - и начнет все приношения этой крови с начала.

Комментаторы объясняют (на основе Гемары), что если кровь тельца разлилась прежде, чем первосвященник закончил брызгать этой крови надлежащее число раз, он не только режет другого тельца и приносит его кровь, но также обязан заново набрать полные пригоршни благовоний и воскурить их в Святая-Святых раньше, чем начнет брызгать крови этого тельца. Причина этого в том, что смесь благовоний, набранная в пригоршни ранее шхиты тельца, непригодна.

И ТАК ЖЕ В ЧЕРТОГЕ: если кровь разлилась прежде, чем первосвященник закончил брызгать ею столь раз, сколько следует, на завесу, висевшую между Чертогом и Святая-Святых, он обязан принести другую кровь и начать брызгать ею в Чертоге сначала. Однако первосвященник не должен опять брызгать крови также в Святая-Святых: приношения крови в Святая-Святых и приношения крови в Чертоге - отдельные, самостоятельные этапы служения в Йом-Кипур (ГАМЕИРИ).

И ТАК ЖЕ НА ЗОЛОТОМ ЖЕРТВЕННИКЕ. если первосвященник начал брызгать крови на жертвенник, и она разлилась прежде, чем он закончил надлежащее число приношений, нужно принести другую кровь и начать брызгать ее на жертвенник как сначала.

ИБО КАЖДОЕ из этих служений - САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ИСКУПЛЕНИЕ. Поэтому если кровь разлилась после того, как закончено одно из этих искуплений - в Святая-Святых или в Чертоге, - нет нужды повторять его с самого начала. Однако если кровь разлилась раньше, чем искупление завершено, необходимо начать его с самого начала.

В Гемаре сказано, что когда кровь разлилась после завершения всех приношений, но перед тем, как ее остатки вылили на основание внешнего жертвенника, не нужно приносить другую кровь. Причина этого в том, что даже если остатки крови не вылиты на основание жертвенника, заповедь исполнена полностью.

РАБИ ЭЛЬАЗАР И РАБИ ШИМОН ГОВОРЯТ: С ТОГО МЕСТА, ГДЕ ПРЕРВАЛСЯ, ОТТУДА ОН НАЧИНАЕТ. То есть: даже если кровь разлилась прежде, чем первосвященник закончил брызгать ее в Святая-Святых или в Чертоге или на золотой жертвенник, он не должен начинать сначала и брызгать крови столько раз, сколько уже брызнул. Причина этого в том, что, как считают раби Эльазар и раби Шимон, каждое брызгание имеет самостоятельное значение. Поэтому первосвященник приносит другую

кровь и продолжает с того момента, где прервался: он брызгает крови лишь недостающее число раз.

ОДНАКО ГАЛАХА НЕ СООТВЕТСТВУЕТ МНЕНИЮ РАБИ ЭЛЬАЗАРА И РАБИ ШИМОНА.